

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.035.6

М. В. Новиков

Первая мировая война и аспекты национального воспитания в России

Работа выполнена по гранту РФФИ 12-03-00137

В статье освещается проблема национального, патриотического воспитания подрастающего поколения в российских школах накануне и в ходе Первой мировой войны. Приводятся данные о школьных системах национального воспитания Германии и Франции в тот период, подчеркивается, что руководство Германской империи и Французской республики уделяли самое серьезное внимание вопросам национального, патриотического воспитания, что, по мнению современников, сыграло большую роль в сохранении высокого боевого духа в воюющих армиях и среди населения этих стран в ходе Первой мировой войны. Приводятся оценки современников о состоянии дел с национальным, патриотическим воспитанием в императорской России, отмечается полное отсутствие системы школьного национального воспитания в предвоенный период. Подчеркивается всплеск интереса к данной проблеме у ученых-педагогов и чиновников министерства народного просвещения после поражения русской армии в 1915 году. Приводятся данные о предложенных программах национального воспитания в школах России, анализируются материалы министерства народного просвещения, связанные с началом реформы школы, в том числе и реформы системы национального воспитания. Подчеркивается запоздалый характер этих мероприятий.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, школа, образование и воспитание, национальное воспитание, патриотическое воспитание, Первая мировая война, историческое образование.

M. V. Novikov

World War I and Aspects of National Education in Russia

In the article is presented the problem of national, patriotic education of the young generation in Russian schools before and during the World War I. Data on school systems of national education in Germany and France are given during this period, it is emphasized that the leaders of the German Empire and the French Republic focused their attention on questions of national, patriotic education that, according to contemporaries' views, played a great role in keeping the high fighting spirit in warring armies and among the population of these countries during the World War I. Contemporaries' estimates of the situation of affairs with national, patriotic education in Imperial Russia are given, total absence of the system of school national education during the premilitary period is pointed out. Surge in interest to this problem by scientist-teachers and officials of the Ministry of National Education after the defeat of the Russian Army in 1915 is emphasized. Data on the offered programmes of national education in schools of Russia are provided, the materials of the Ministry of National Education concerning the beginning of the school reform including reforms of the national education system are analyzed. Belated nature of these actions is emphasized.

Keywords: the Ministry of National Education, school, education and up-bringing, national education, patriotic education, World War I, historical education.

Первая мировая война (1914–1918 гг.) стала суровым внешним экзаменатором не только для государственной власти и политических партий России, но и для российской системы образования и воспитания. Много сказано и написано о бездарности высшего российского военно-политического руководства во главе с Императором Николаем II, о разрушительной работе либералов и революционеров всех мастей. Но свой вклад в неудачный ход войны, в морально-психологическое разложение русской армии, а, следовательно, и в возникновение событий

1917 года внесла и российская система образования и воспитания.

В данной статье, опираясь на исследования представителей российской педагогической мысли той эпохи, мы попытаемся кратко представить положение дел в сфере национального воспитания в России накануне и в ходе Первой мировой войны.

Наиболее выпукло значение образования и воспитания для достижения военной победы отражено в знаменитой фразе, ставшей популярной со времен поражения Франции в франко-

прусской войне 1870–1871 гг.: «Школьный учитель победил Францию в 1870-х гг.» [2, С. 1–57]. Здесь имеется в виду превосходство германской государственной школьной системы, которое заключалось, во-первых, во введении «всеобщего бесплатного обязательного образования», и, во-вторых, в национальном характере воспитания со стороны народных школьных учителей в противоположность не обязательному образованию и интернациональному воспитанию французских школьников, осуществлявшемуся преимущественно представителями духовенства [7, С. 116]. Следствием такого положения вещей стало превосходство германской армии над французской в морально-психологическом плане, а также качественное превосходство каждого германского солдата над французским, что, по мнению современников, и стало одной из причин победы Германии и поражения Франции.

Надо сказать, что руководство Третьей Французской республики извлекло необходимые уроки из этого поражения. Система образования стала государственным делом, а монашеские братства, ранее занимавшиеся обучением и воспитанием французских детей, были изгнаны из страны. Во Франции началась подготовка народных учителей с целью придать «просвещению национальный характер» и к началу Первой мировой войны во Франции сложилась собственная система национального воспитания, отличная от немецкой, но не менее эффективная [3, С. 1–55].

В 1915 году Е. Ефимов опубликовал в журнале «Вестник воспитания» две серьезные статьи, посвященные вопросам национального воспитания Германии и Франции. «Было бы неправильным, – подчеркивает он, – в воспитательных системах воюющих народов искать исчерпывающего объяснения происходящей ныне борьбы – ее возникновения, направления и возможного исхода: эта борьба слишком грандиозна и всеобъемлюща... Но нет сомнения, что характер воспитания, школа в самом широком ее значении была и теперь является важным слагаемым в соотношении сил враждующих народов» [2, С. 4].

Анализируя положение дел в Германии, Ефимов пишет, что вся страна с восьмидесятых годов XIX века «лихорадочно работала не только над изобретением сорокадвухсантиметровых орудий, но и над гражданским воспитанием народа при посредстве школы... Поэтому ненависть, как качество, проявляемая германцами в современной борьбе, свидетельствует не об отсутствии у них «души», но о качественном ее содержании, которое, в свою оче-

редь, приводит нас к немецкой системе воспитания – к немецкому учителю» [2, С. 3].

По мнению Ефимова, Франция также сделала максимум возможного для создания и внедрения в школьную практику государственной системы национального воспитания: «Молодая республика глубоко прониклась важностью и неотложностью этой обязанности: с первого же дня своего существования она напряженно и с борьбой трудилась над выработкой школьных законов. С 1871 года, когда было представлено три законопроекта, не было ни одной парламентской сессии, чтобы палата депутатов не остановилась на народном образовании, пока школьные законы не сделались в начале 80-х годов свершившимся фактом [3, С. 3].

А что же Россия? Анализируя состояние дел в своей стране, известный русский педагог и психолог П. Блонский писал в 1915 году: «О том, что русские дети национального воспитания не получают, спорить не приходится. В семьях высшего класса дети воспитываются иностранными гувернантками и гувернерами, по временам вывозятся за границу, и безупречное произношение иностранных языков с давних пор считается признаком воспитанности... Так было во времена Фонвизина, так велось при Грибоедове и Пушкине, так ведется и ныне. Что касается среднего класса, то он или тянется за высшим, или же, по выражению Ушинского, скорее, детей не воспитывают, а готовят, чуть ли не с колыбели, к поступлению в то или другое учебное заведение... Результат такого воспитания и образования очевиден. Это, во-первых, наше не знание народа и народной жизни и сохранение трагической антитезы: интеллигенция и сфинкс; во-вторых, это не устойчивость нашей национальной самооценки: то «мы, русские, известные дураки, то ли дело за границей», то «наш народ – богоносец, а Запад гниет. Словом, как дети, не знающие и не умеющие, с резкими колебаниями настроения» [1, С. 1–2].

Вопрос о необходимости национального воспитания подрастающего поколения России в начале XX века нельзя было считать новым или неожиданным. Тема национального воспитания была одной из главных в русской классической литературе (Фонвизин, Грибоедов, Крылов, Пушкин, Тургенев и др.). «Вся наша литература того времени, – подчеркивает Блонский, – сплошной крик против уродливого, не национального воспитания, но этот протест против иностранцев-воспитателей и эта тоска по родным педагогам остались без удовлетворения» [1, С. 3].

Кипучее педагогическое творчество, начавшееся с эпохи освобождения крестьян, выдвинуло в первые ряды отечественных педагогов К.Д. Ушинского и в одной из своих главных статей «О народности в общественном воспитании» он формулирует три главных, – по мнению Блонского, тезиса: «1) Общая система народного воспитания не существует, не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более как теория немецкого воспитания; 2) у каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным; 3) опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех, но точно в том же смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам» [1, С. 3].

Как подчеркивает Блонский, вслед за Ушинским проблему отсутствия в России системы национального воспитания поднимали как ученые-педагоги, такие как Стоюнин, Водовозов, Рачинский и др., так и патриотически настроенные писатели. В частности, Л.Н. Толстой в статье «О народном образовании» едко высмеивал «попытки по-немецки образовать, направлять и учить» [1, С. 4]. В целом, как подчеркивает Блонский, «требования заменить копию с немецкой школы школой настоящей русской – основное требование вождей нашей педагогики» [1, С. 4].

Критика, призывы, требования писателей и ученых-педагогов, к сожалению, не были услышаны и положение дел не изменилось к началу Первой мировой войны. Вряд ли могло быть по-другому в стране, где во главе системы образования находились представители высшего сословия. Их дети, как было заведено, получали иностранное образование и проблема введения системы национального воспитания в России им представлялась не актуальной. И даже уступка сословной имперской бюрократии в виде назначения на пост министра просвещения выходцев из университетской среды ситуацию практически не изменила. Министрам просвещения – профессорам (Н. П. Боголепов, 1898–1903; Г. Э. Зенгер, 1903–1904; А. Н. Шварц, 1908–1910; Л. А. Кассо, 1911–1914) пришлось работать в условиях политической нестабильности, которая, возможно и помешала им решить проблему национального воспитания [8, С. 363–402].

Несомненным катализатором выдвижения и обсуждения идей национального воспитания стала Первая мировая война. Вступление России в войну, которая представлялась для подавляю-

щего большинства населения страны справедливой и необходимой, вызвало небывалый всплеск патриотических настроений и национального самосознания всех сословий Российской Империи и, казалось, что проблемы национального воспитания как бы и не существует. Однако, поражения русской армии в 1915 году, падение авторитета императорской семьи, появление беженцев из западных губерний, трудности с продовольственным обеспечением населения городов привели к серьезному ухудшению морально-психологического состояния русской армии и населения страны.

Необходимо отметить, что население и армии Германии и Франции, стран, которые испытывали не меньшие трудности, связанные с войной, в морально-психологическом плане оказались более устойчивыми, чем армия и население России, и в какой-то степени это связано с наличием германской и французской систем национального воспитания и отсутствием таковой в России.

В условиях войны российские педагоги с удвоенной энергией взялись за разработку теории и практики национального воспитания, используя для этого все доступные средства, и, в первую очередь, научно-популярный журнал «Вестник воспитания». Именно в этом журнале в 1915 году Блонским были опубликованы основные положения для формирования государственной программы национального воспитания. Подходы Блонского были, бесспорно, новаторскими 100 лет назад, однако они представляют интерес и для современной России, где власть предпринимает попытки создания государственной системы патриотического, национального воспитания подрастающего поколения.

Приводя общепризнанное в то время определение воспитания – «воспитание, с социологической точки зрения, есть сохранение преемственности и обеспечение роста общей традиции» – Блонский приходит к выводу о тождественности понятий воспитание и национальность. «Но понятие национальности, – отмечает Блонский, – как и всякое социологическое понятие, надо мыслить исторически. Нация есть исторически возникшее культурное единство составляющих ее социальных групп. Это единство есть равнодействующая различных стремлений и течений, если эти стремления входящих в состав нации социальных групп чересчур уж различны, то их равнодействующая получается слишком малой по величине. Действительно, в моменты обострения классово-групповой борьбы, наци-

ональное самосознание угасает и национальное единство может поколебаться... Но, с другой стороны, если эти стремления и интересы составных социальных групп совпадают в более или менее значительной степени, национальное самосознание повышается, и национальное единство предстает особенно сильным» [1, С. 5].

Главной и бесспорной тенденцией исторического процесса Блонский считал прогрессирующую демократизацию общества, именно с ней он связывал рост национального самосознания и идею национального воспитания: «Чем больше демократизма, общественного и бытового, тем большим единством проникается жизнь народа и культура его, тем крепче его национальная связь и тем более органической является школа» [1, С. 6].

Большое значение Блонский придавал активному характеру воспитания: «Истинное национальное воспитание должно быть демократическим и не узконациональным; теперь мы к этому добавим, что оно должно избегать шовинизма и быть активным» [1, С. 13]. Отмечая новаторский характер идеи активного воспитания, Блонский писал: «активное воспитание состоит в том, что воспитываемый не рассматривается как пассивное существо, должествующее лишь воспринимать предлагаемый ему воспитателем материал. Нет, воспитываемый есть активное существо, воспринимающее только то, что его природе соответствует, и это воспринимаемое перерабатывающее по-своему. Таков воспитываемый ребенок, таков и воспитываемый народ. С этой точки зрения всякое воспитание есть только стимул для самовоспитания, и цель воспитания – выработать активного деятеля, способного к творческой деятельности, пробудить к развитию дремлющий дух. Следовательно, задача и национального воспитания состоит в том, чтобы выработать активную нацию, нацию, способную к национальному творчеству» [1, С. 13–14].

Переходя к вопросу о содержании национального воспитания, Блонский отмечает его необычайную сложность, имея в виду многонациональный и многоконфессиональный характер населения России. По его мнению, решение этого вопроса не под силу кабинетным ученым даже самой высокой квалификации. Только активно воспитывающаяся нация способна создать в будущем положительное содержание национального воспитания. «Что касается меня, – пишет Блонский, – то я прямо боюсь, что если я буду пытаться составлять план положительного содержания национального воспитания вот у себя,

в кабинете, где почти все книги по педагогике иностранные, то это и выйдет лишь моим, навеянным западноевропейской педагогикой планом, а не народным. Национальная школа создается не педагогом-теоретиком, а народом, вырабатывается не в кабинете, а в ходе живой национальной истории, когда нация дает школе и содержание, и традицию» [1, С. 14].

Не рискуя определить параметры содержания национального воспитания, Блонский обращается к теме создания «специфических условий для национальной педагогической деятельности» и здесь он делает оговорку, которая была предметом оживленной дискуссии в тот период – «чтобы не усложнять проблемы, мы будем все время иметь в виду воспитание ребенка русского племени» [1, С. 16–17]. Таким образом, он просто уходит от рассмотрения проблемы многонационального и многоконфессионального характера подрастающего поколения России.

Для воспитателей, работающих с русскими детьми, он предлагает следующую общую схему деятельности. Воспитание ребенка хронологически распадается на три периода: дошкольное воспитание, элементарная школа и школа средняя. В период дошкольного воспитания ребенок выступает, как, главным образом, существо инстинктивное; в период элементарной школы педагогическое воздействие направлено преимущественно на сознание; наконец, среднюю школу ученик должен оставить уже как существо созревшее, то есть обладающее самосознанием.

Сообразно этому, и национальное воспитание ребенка также должно проходить три стадии. В период дошкольного воспитания то национальное воспитание будет состоять в инстинктивном усвоении ребенком языка, обычаев, вкусов и верований родного народа. В период элементарной школы это – национальное самопознание, являющееся результатом сознательного изучения родины в ее настоящем и прошлом; при этом и язык родной изучается уже сознательно, посредством анализа, язык уже не просто народный, но литературный. Наконец, в период средней школы, это – знакомство с мировой культурой, возможно более обширное, с той целью, чтобы созревшая национальная личность, обогащенная внешним содержанием, создавала бы новые сокровища национальной культуры [1, С. 17].

В заключении к своей статье Блонский подчеркивает, что его целью здесь было не решить вопрос, а лишь его поставить. В качестве резюме он приводит следующие положения: «1) современное

воспитание русского ребенка не национально, и воля истории все настойчивее требует преобразования его; 2) при этом преобразовании мы должны синтезировать две великих идеи: идею гражданина родной страны и идею человека, как части всего человечества, и этот синтез осуществляется, если мы взглянем на развитие ребенка, как на постепенное введение члена племени в члены нации и члена нации, в члены всего человеческого рода; 3) при реформе воспитания надо бояться придать этой реформе случайный характер, а потому предварительно она должна быть продумана систематически» [1, С. 38].

Война, и, особенно, поражения русской армии в 1915 году побудили к активным действиям в сфере национального воспитания не только представителей педагогической науки, но и чиновников министерства народного просвещения. 28 сентября 1915 года министерством был подготовлен циркуляр «О мерах по улучшению школьной жизни», в котором подчеркивалась особая роль школы в воспитании подрастающего поколения: «Признавая, что школа должна взять на себя не только обучение, но и, главным образом, воспитание юношества, министерство считает необходимым подчеркнуть, что воспитательное влияние школы отнюдь не должно заключаться во внешнем только надзоре и в дисциплинарных взысканиях за проступки, а напротив, в предупреждении проступков и в мерах морального воздействия, выработка каковых должна занять одно из видных мест в постоянных обсуждениях педагогических советов».

В декабре 1915 года созданная министерством народного просвещения комиссия по реформированию школы опубликовала новые учебные планы, программы и объяснительные записки по школьным дисциплинам [5], которые, по мнению современников, произвели «впечатление большого труда, вдумчивости и заботливости, вложенных в начатое дело» [4, С. 1]. Анализ опубликованных материалов привел Е. Ефимова к выводу, что «краеугольным камнем проектируемой реформы средней школы провозглашено требование: школа должна быть *национальной*» [4, С. 2].

Особую роль в решении поставленной задачи министерство отводило преподаванию истории и литературы. Так, преподавание истории в младших классах должно было «вызвать в детях живой интерес к прошлой жизни родного народа, развить этот интерес до возможной сознательности и тем самым упрочить детскую любовь к Родине... научить детей любить свое великое государство и

читать его многотрудное прошлое» [4, С. 2–3]. При этом министерство предостерегало учителей от возможных попыток в угоду национальному воспитанию исказить историческое прошлое: «Необходимо, однако, помнить, – говорит объяснительная записка, – что высокая воспитательная цель исторического преподавания не должна и не может достигаться иначе, как путем правдивого ознакомления детей с событиями и образами прошлого, живо говорящими детскому уму и сердцу. Отрешенные от исторической действительности назидательные речи преподавателя с нравовчаниями на патриотические моральные темы, внося в учебное дело нежелательную и вредную фальшь, извратили бы доброе воспитательное средство и повели бы к прямому педагогическому злу» [4, С. 3].

В опубликованных материалах министерство предприняло историческую попытку учесть многонациональный и многоконфессиональный состав населения России и предложило идею национальной школы отнюдь не в духе истинно русского национализма. В объяснительной записке к курсу русской истории было сделано очень ценное нововведение, предоставившее «преподавателям истории и педагогическим советам право изменять программу русской истории соответственно местным условиям: вводить в курс местный материал» [4, С. 6]. По мнению авторов записки, «такого рода дополнения по всеобщей истории представляются необходимыми для углубления курса русской истории в тех областях империи, которые вошли в ее состав в течение XVIII и XIX столетия» [4, С. 6].

Таким образом, мы можем констатировать, что министерство вслед за учеными педагогами в разгар Первой мировой войны сделало хоть и запоздалый, но очень важный шаг на сложном и длительном пути создания отечественной системы национального воспитания. Принятые решения, однако, уже не могли изменить трагический ход российской истории.

Минуло 100 лет, ушли в прошлое императорская и советская системы обучения и воспитания и в современной капиталистической России, где элита вернула моду обучения собственных детей за границей, преимущественно в Англии, проблема национального, патриотического воспитания подрастающего поколения становится более чем актуальной. «Война, – писал Блонский, – оживила наше национальное самосознание и она же ставит перед нами вопрос о национальном воспитании» [1, с. 2]. Не хотелось бы проводить

параллели, но, похоже, постоянная угроза войны ставит перед современной Россией тот же вопрос и искать ответ на него придется в изменившихся условиях нового цивилизационного вызова – глобализации.

Библиографический список

1. Блонский, П. О национальном воспитании [Текст] / П. Блонский // Вестник образования. – 1915. – № 4. – С. 1–38.
2. Ефимов, Е. Два идеала гражданского воспитания. 1. Немецкий идеал [Текст] / Е. Ефимов // Вестник воспитания. – 1915. – № 1. – С. 1–57.
3. Ефимов, Е. Два идеала гражданского воспитания. 2. Французский идеал [Текст] / Е. Ефимов // Вестник воспитания. – 1915. – № 5. – С. 1–55.
4. Ефимов, Е. Реформа средней школы и национальное воспитание по материалам министерства народного просвещения [Текст] / Е. Ефимов // Вестник воспитания. – 1916. – № 3. Март. – С. 1–31.
5. Журнал министерства народного просвещения [Текст]. – 1915. – Декабрь. – С. 1–304; 1916. – Январь. – С. 305–402.
6. О мерах по улучшению школьной жизни. Циркуляр министерства народного просвещения [Текст]. 28.09.1915. № 45248 // Журнал министерства народного просвещения. – 1915. – Ноябрь. – С. 14–16.
7. Кельтов. Под знаком национального вопроса [Текст] / Кельтов // Вестник воспитания. – 1915. – № 8.

8. Перфилова, Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов императорских университетов [Текст]: монография / Т. Б. Перфилова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 363–402.

Bibliograficheskiy spisok

1. Blonskiy, P. Onacional'nom vospitanii [Tekst] / P. Blonskiy // Vestnik obrazovaniya. – 1915. – № 4. – S. 1–38.
2. Efimov, E. Dva ideala grazhdanskogo vospitanija. 1. Nemeckij ideal [Tekst] / E. Efimov // Vestnik vospitanija. – 1915. – № 1. – S. 1–57.
3. Efimov, E. Dva ideala grazhdanskogo vospitanija. 2. Francuzskij ideal [Tekst] / E. Efimov // Vestnik vospitanija. – 1915. – № 5. – S. 1–55.
4. Efimov, E. Reforma srednej shkoly i nacional'noe vospitanie po materialam ministerstva narodnogo prosveshhenija [Tekst] / E. Efimov // Vestnik vospitanija. – 1916. – № 3. Mart. – S. 1–31.
5. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – 1915. – Dekabr'. – S. 1–304; 1916. – Janvar'. – S. 305–402.
6. O merah po uluchsheniju shkol'noj zhizni. Cirkuljar ministerstva narodnogo prosveshhenija [Tekst]. 28.09.1915. № 45248 // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. – 1915. – Nojabr'. – S. 14–16.
7. Kel'tov. Pod znakom nacional'nogo voprosa [Tekst] / Kel'tov // Vestnik vospitanija. – 1915. – № 8.
8. Perfilova, T. B. «Uchenoe soslovie» Rossii v pravovom prostranstve ustavov imperatorskih universitetov [Tekst]: monografija / T. B. Perfilova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2014. – S. 363–402.